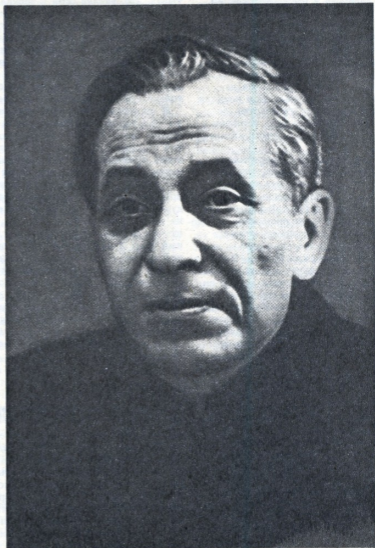

СЕМЬЯ И ШКОЛА

журнал для родителей 7, 1983

женская партия
руля воспитания
семья — забота, общая
проще музыку
трудное лето
дизайне

«Сравнительно весёлый и добродушный»

Самая главная профессия

В жизни ему приходилось заниматься многим. Прежде чем стать писателем, он был сотрудником уголовного надзора, постовым милиционером, сапожником, комендантом (начальником) почт и телеграфа и даже дегустатором сыров... А всего он испробовал, кажется, около полусотни профессий!

Два года сражался он на фронтах

первой мировой войны, был ранен, стал жертвой газовой атаки. Не раз награжден — в том числе Георгиевским крестом. Уволен из армии по болезни в должности командира батальона.

Еще раз ему пришлось воевать уже при Советской власти — когда на Петроград наступал Юденич. И вновь был демобилизован — по болезни сердца.

Храбрость георгиевского кавалера,

ливый тем, что гуляет с мамой и папой, просил поиграть в «побежали-полетели». Мы с Алексеем послушно разбежались, поднимали его за руки, и он, поджав ноги, «летел» над тротуаром. Когда он «пролетал» мимо остановки автобуса, где суетилась старушка с палочкой, — народ входил, ее оттирали, — Алексей опустил Митю на тротуар, подошел и подсадил старушку. А потом вернулся к нам, и Митя «полетел» дальше. Вот и все. А он запомнил.

А мои нотации и вопли у него в одно ухо влетают, из другого вылетают. Разговариваем в «голубом домике».

— Мам! Знаешь, какой мне сегодня сон приснился? Радостный! Как будто мы идем с тобой по темному лесу. И вдруг — пожалуйста вам — Москва. И много-много воды. В воде дети купаются. А на берегу стоит автобус. С колесами. Мы все сели в этот автобус, и он поплыл прямо по воде! И тут все стало волшебю; как будто я и ты сидим в этом автобусе, а другие я и ты стоим на берегу и смотрим. Правда, какой радостный сон?

— Мам! Как это так получается: вот я ложусь в постель, засыпаю, мне снятся сны, а утром я просыпаюсь. Отчего же я просыпаюсь?

— Оттого, что твой организм за ночь успевает отдохнуть и ему больше сна не требуется.

— А что это такое — организм?

— Это все твоё тело, мозг. За день все это устаёт, а ночью, когда ты спишь, отдыхает.

— Ну, мозг-то не очень отдыхает. Ведь он ночью даёт сны.

— Мам! А как же наш ребенок у тебя в животе спит? У него, что ли, там есть подушка и одеяло? А почему ты никогда не выпускаешь его подышать свежим воздухом? А Людина мама думает, что детей покупают в магазине! Она меня спрашивает: «Скоро твоя мама пойдет в магазин покупать ребеночка?»

— А ты что ответил?

— А я ответил, как ты мне рассказывала, что он у тебя в животе сидит. Созревает. Когда созреет, тебя отвезут в родильный дом и там нашего ребенка из живота вытащат. Он в таком пузыре сидит. Там вода налита, и он прямо в воде сидит. Закаляется. Мам! А где бывает человек, когда его нигде-нигде еще нет?

— Нигде. Его еще нет.

— Вот я и спрашиваю: где же он бывает?

— Не знаю.

— Ну мам, ну правда!

— Ну правда, не знаю.

Вздох.

— Скорее бы папа приехал! Он все знает! (Продолжение следует)

решительность и быстрота реакции работника уголовного надзора при всей скромности, даже застенчивости Михаила Михайловича навсегда остались при нем. К. И. Чуковский вспоминает случай, относящийся к началу 20-х годов: однажды в темном дворике петроградского Дома искусств «...появился пьяный в военной шинели. Изрыгая ругательства, он до смерти перепугал всех жильцов. В руке у него была длинная кавалерийская шапка.

Дворик опустел. Все попрытались. Но тут распахнулась дверь, и из нее вышло несколько молодых литераторов. Они все еще спорили о чем-то своем. Но уже в ближайшее мгновение один из них, не промолвив ни слова, сбегал по ступенькам крыльца и с большим профессиональным искусством обезоружил буяна... Это был Зошенко, в ту минуту весьма кстати забывший, что по приказу врачей он должен оберегать свое сердце от всяких трволнений подобного рода.

«Оберегать свое сердце от трволнений» Зошенко — и как человек, и как писатель — не умел никогда. Даже в самых, казалось бы, бесстрастных его сочинениях, где он не говорит ни слова от себя лично, сердце его пылает любовью к людям, кипит ненавистью ко всему, что мешает им жить «единым человеческим общезнанием» (В. Маяковский).

Накопив огромный жизненный опыт, Зошенко выбрал профессию литератора. И хотя он подчас иронизирует над ней, но в душе очень ею гордится и ставит ее выше всего другого. Жена писателя, Вера Владимировна Зошенко, вспоминает, как в декабре 1918 года ее молодой муж приехал к ней с фронта (а фронт находился тогда у самых ворот Петрограда).

«Я спросила его:

— Что же для вас самое главное в жизни?

И была уверена, что услышу: «Кое-что же, вы!»

Но он сказал очень серьезно и убежденно:

— Конечно же, моя литература...»

Первая же книга Зошенко, появившаяся в 1922 году, делает его известным, книги следующие — даже и знаменитым. Самый пестрый читатель кинулся читать его рассказы — их буквально не успевали переиздавать. Когда в 1928 году в Ленинграде устроили книжный базар, где писатели сами продавали свои книги, самая большая толпа собралась у киоска с надписью «Зошенко».

В этот толпе было немало его сатирических героев. Они наивно думали, что он пишет, чтобы их позабавить. А он не менее наивно рассчи-

тывал, что, увидев себя в зеркале его рассказов, они поймут всю пошлость своей жизни, устыдятся и начнут жить по-новому — культурно и честно.

Разочарование было взаимным: читатели увидели себя в зеркале, но не узнали и предпочли смеяться над другими; а писатель понял, что одним только смехом человека не исправишь.

И он начал стратегию: его рассказы 30-х годов, «сентиментальные повести», его «Голубая книга», созданная по совету М. Горького (нечто вроде комической истории нравов), наконец, его рассказы для детей — это уже не просто юмористические произведения, но, так сказать, разумчиво-юмористические, в них есть не только плохое, но и хорошее, причем на это хорошее сделан главный упор. Изменились и зошенковский рассказчик: если в прежних вещах он был чужд ли не полной противоположностью автора и нередко разоблачал сам себя, то теперь рассказчик и автор значительно сблизились. И лишь знаменитая короткая фраза, ставшая еще более отточенной и емкой, напоминала прежнего Зошенко.

В поисках

подлинно народной формы

Еще в начале своего литературного пути писатель поставил своей задачей создать язык, который, ничего не теряя в изобразительности, был бы доступен самой широкой массе. Решая эту задачу, Зошенко в середине 30-х годов попробовал писать для детей. Именно *попробовал*, потому что становиться детским писателем он не собирался. «Попросту эта работа лежала на моем пути», — писал он, — по которому я иду в поисках подлинно народной формы».

Решение писать для детей совпало у Зошенко и с другой литературной задачей — дать своему читателю книги по самовоспитанию. Целью этих книг было привести читателя к полному душевному здоровью, благополучию и счастью — недаром одна из них должна была называться «Ключи счастья».

Цель эта руководила им и в его работе для детей: детские книги Зошенко тоже проникнуты духом самовоспитания, стремлением заставить юного читателя прежде всего поразмыслить над своими поступками и характером.

Все написанное для детей занимает у Зошенко один небольшой томик. Сюда входят автобиографические рассказы из цикла «Леля и Минька», рассказы или, вернее, сказки о жи-

вотных из книги «Хитрые и умные знаменитый цикл «Рассказы о Ленине» и еще несколько вещей. Почти все это создано в 30-е годы.

В детских произведениях Зошенко заметно тяготение к фольклору и к крытая дидактичность, тоже характерная для фольклора.

Рассказ «Глупая история» композиционно напоминает известную сказку о репке. Но «Репка» почти совершенно серьезна, а тут дело было принимает комический оборот.

Мама одела утром четырехлетнюю Петю и поставила у кровати. А он почему-то упал. Мама опять его поставила — он упал снова.

Вызвали с работы папу — Петя упал и при нем.

Послали за доктором. Тот внимательно осмотрел Петю, ничего подозрительного не нашел, а мальчик продолжает падать!

Сказку, мы помним, завершила мышка. А тут — Петин товарищ Коля. Он только глянул на Петю и говорит: «— Посмотрите, как Петя у вас одет. У него одна штанина багряная, а в другую засунули обе ножки. Вот почему он и падает». Простынные взрослые ахают и охают, а Коля довершает свое торжество: «— А я сам всегда одеваюсь, и у меня таких глупостей с ногами не бывает. Взрослые вечно что-нибудь путают».

В другом случае эта мораль показывается бы нарочитой. Но в устах мальчика, да притом в смешную минуту, она приходится даже кстати. В искусстве все оказывается кстати, если только это — искусство...

Рассказ «Самое главное» тоже напоминает русскую народную сказку — только на сей раз про «набитого дурака». То же, что во время молотбы пожелал мужикам «молотить три дня и намолотить три зерна». И хотя в этой сказке мать пытается помочь своему незадачливому детичу, все советы ее безнадежно запаздывают, и в каждой новой ситуации герой неизменно попадает впросак.

Нечто подобное происходило, казалось бы, и с Андрюшей Рыженьким из рассказа «Самое главное». Но не Сказочный дурак так и остается дураком, а герой Зошенко учится. Набравшись ума-разума. И в конце концов получает главное мамин наставление, пригодное на все случаи жизни. Оказывается, «недостаточно быть храбрым, и умным, и сильным... Надо многое знать. Надо знать арифметику и алгебру, химию и геометрию. А для того, чтобы все это знать, надо учиться». И, похоже, Андрюша послушает этому мудрому совету. Так за него можно не волноваться.

«Рассказы о Ленине»

Фольклорные мотивы отчетливо звучат и в «Рассказах о Ленине». Об этом можно судить уже по зачинам их, напоминающим по интонации притчу («Когда Ленину было восемь лет, с ним случилась одна маленькая история...»), а еще больше — по языку этих рассказов, близких к народным сказкам.

«Рассказы о Ленине», бесспорно, самое оригинальное произведение «детского» Зошенко. Трудно поверить, что автор этих рассказов — беспощадный сатирик, еще недавно писавший ядовито-смешные рассказы о менажах. Здесь мягкий, тонкий юмор, своеобразно сочетаемый с лирикой, создает ту неповторимую атмосферу, которая и отличает именно зошенковские рассказы об Ильиче.

Трогательное чувство вызывает у читателя рассказы, где простые труженики впервые осваивают для себя понятия, внесенные в их жизнь Советской властью. Даже самые официальные слова, включенные в речь героев или повествователя, звучат свежо и волнующе:

«Вдруг открывается дверь (в кремлевской парикмахерской... — С. С.) и входит новый посетитель. И тут все встало: он пришел Владимир Ильич Ленин, председатель Совета Народных Комиссаров».

Перед нами художественное чудо: автор просто-напросто называет официальную должность Ленина, и уже само название этой должности звучит выразительно и свежо. И понятно, почему. Потому что рабочий Григорий Иванов, тот, что смотрит сейчас на Ильича, «удлябаясь от счастья», впервые задумывается над тем, кто же это такой — «председатель Совета Народных Комиссаров». Так и дети осмысливают новые слова и понятия.

Еще сильнее звучит, казалось бы, широко известное сочетание «великий вождь трудящихся» в одном из лучших рассказов цикла — «Покушение на Ленина».

«...Враги Ленина непременно хотели его убить».

И они договорили одну злодейку убить великого вождя трудящихся Владимира Ильича Ленина».

Вроде бы и так ясно, о ком речь. Но автор в этот момент — именно в этот! — именует Ленина «по всей форме». Чтобы дать нам еще раз почувствовать, на кого враги поднимают руку...

«Рассказы о Ленине» теперь часто переиздаются, входят в школьные хрестоматии. И все же, кажется, они еще не оценены по достоинству педагогами, а тем более родителями.

Это ведь не просто рассказы о вожде — это, по сути, цикл нравственных уроков на примере ленинской жизни. Таких уроков шестнадцать! Рассказы охватывают всю биографию вождя, начиная с детских лет и кончая последними годами жизни.

...Когда тяжело раненный Ленин с огромным трудом вышел из машины, подбегавшие к нему рабочие хотели на руках отнести его в квартиру.

«Но Ленин не позволил им это сделать. Он сказал:

— Нет, не надо меня нести на руках! Моя сестра и моя жена увидят, что меня несут на руках, и подумают, что мне очень плохо. Не надо их тревожить».

И все окружающие поразились, что Ленин в такой страшный момент думает не о себе...»

Особо хотелось бы отметить рассказ «Ошибка». Здесь говорится о том, как Владимир Ильич однажды не вполне точно сформулировал одно из своих распоряжений и молодая работница секретариата, вместо того чтобы дать ему список коллегии Наркомзема, вызвала на совещание в Кремль самих членов коллегии... Узнав об этом секретарь Ленина Фотиева говорит ему: «Владимир Ильич, вы, пожалуйста, извините нашу сотрудницу. Она еще неопытный человек. Недавно у нас работаю».

Ленин говорит:

— Но она и не виновата. Это я ошибся. Я нечтоно выразил свою мысль. Это я виноват».

Это ценнейшее качество человека — умение признавать собственные ошибки. Владимир Ильич обладал этим качеством в полной мере.

«Рассказы о Ленине» впервые печатались в «Пионерской правде» — стало быть, по замыслу автора, адресовались читателям пионерского возраста. Но уже тогда, в 30-х годах, иные критики говорили, что рассказы эти будут понятны, наверное, даже дошкольникам. Сегодня это тем более вероятно. Однако тут есть над чем подумать и современным подросткам.

Уроки детства

Цикл рассказов «Леля и Минька» (по существу, маленькая повесть в рассказах) — пожалуй, самая сложная из детских книг Зошенко. Писатель возвращается здесь к привычной ему форме повествования от первого лица, но на сей раз его рассказчик предельно близок к автору, который смело и щедро делится с юным читателем собственным жизненным опытом. Юмор в этих рассказах

группен: рассказчику не очень приятно вспоминать допущенные им давние ошибки и промахи, которых теперь уже — увы! — не исправишь. Да и смеяться над самим собой — занятие не из приятных. И потому можно лишь поражаться, сколь беспощадно судит писатель своего маленького героя (то есть в значительной мере самого себя!). Писатель не делает ни малейшей скидки на возраст — он судит героев по взрослым нравственным меркам. А они, как всегда у Зошенко, достаточно высоки.

В рассказе «Елка» из-за сущего пустяка возникает некрасивая, пошлая сцена, в которую втягиваются и маленький рассказчик, и его сестра Леля, и их мама, и даже кое-кто из гостей... Смех тут хотя и горек, но полезен. Вряд ли кто из прочитавших рассказ захочет сам оказаться в роли Миньки, Лели или их излишне пристрастной мамы, выгораживающей своих детей после любой их проделки...

«Взрослый» Зошенко, описав эту сцену, ею бы и закончил рассказ: для него достаточно высмеять героев, если они сами поставили себя в глупое положение. Зошенко «детский» считает необходимым добавить к сказанному еще кое-что:

«И вот, ребята, прошло с тех пор тридцать пять лет, и я до сих пор помню эту елку».

И за все эти тридцать пять лет я, дети, ни разу не съел чужого яблока и ни разу не ударил того, кто слабее меня. И теперь доктор говорит, что я поэтому такой сравнительно веселый и добродушный».

Это могло бы быть любовной моралью, типичным дидактическим доведением, специально рассчитанным на юного читателя и лишь слегка смягченным характерной зошенковской оговоркой («такой сравнительно веселый и добродушный»), если бы не были так неподдельно искренни эти строки, полно подтверждающиеся всей жизнью писателя и ясно выражающие его нравственную позицию.

Если в ранних, антимещанских рассказах Зошенко неизменно был «за кадром», не показывал собственного лица, то в рассказах для детей он выходит из тени, и мы ясно видим чистоту его нравственных устремлений. А зошенковский юмор придает этим произведениям своеобразную окраску. «Юмор — это не смешной анекдотик, а благоприятное отношение к жизни и к людям». Эти слова большого любителя и знатока юмора Михаила Светлова можно с полным правом отнести к жизни и книгам Михаила Зошенко.

С. Сивоконь

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГР РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30